

На правах рукописи

Кузовенкова Анна Игоревна

**ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРИМЕЙНИКА ПО РУКОПИСИ РГБ,
ТР. 4 ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV ВЕКА**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Казань – 2011

Работа выполнена на кафедре истории русского языка и языкознания
«Федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Жолобов Олег Феофанович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Баранов Виктор Аркадьевич

кандидат филологических наук, доцент
Литвина Татьяна Александровна

Ведущая организация: Санкт-Петербургский государственный
университет

Защита состоится 26 декабря 2011 г. в 10 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.081.05 по присуждению ученой степени
доктора филологических наук при «Федеральном государственном
автономном образовательном учреждении высшего профессионального
образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по
адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, 2, ауд. 207.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
им. Н. И. Лобачевского «Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего профессионального образования
«Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Автореферат разослан «26» ноября 2011 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

Т.Ю. Виноградова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Как известно, с XI по XVIII в. сохранилось около 150 тысяч русских рукописей, большинство из которых совершенно не изучено. При этом сложнее всего обстоит дело с древнейшими восточнославянскими рукописями, которые отражают изменения, важные для истории русского, украинского и белорусского языков. Из 850 выявленных в пределах бывшего СССР русских рукописей, относящихся к XI–XIV вв., хорошо описанных оказывается около двухсот¹.

Большая часть древнейших рукописей представляет собой списки с текстов южнославянского происхождения, главным образом богослужебных, церковных. Церковно-книжные тексты, с одной стороны, являются важнейшим источником сведений о языке древнеславянских переводов, с другой – содержат ценные свидетельства о живых процессах в самом древнерусском языке, о древнейших диалектных различиях в восточнославянском ареале². Сегодня можно считать доказанным, что древнейшие памятники церковно-книжного жанра «являются ценнейшим, а в ряде случаев незаменимым источником для изучения не только литературно-письменных норм, но и норм русского языка в целом. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные и достаточно показательные параллели в лексике, словообразовании, морфологии, синтаксисе современного разговорного и диалектного языка, соотносимые с соответствующими особенностями славяно-книжного языка Средневековья»³.

Славяно-книжные тексты XI–XIV вв. долгое время рассматривались как второстепенный (в отличие от оригинальных древнерусских произведений) источник для изучения истории русского языка. Так, материал богослужебных памятников не был включен в программу академического издания «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)». Этим же обусловлено то, что собственно языковые особенности славяно-книжных источников были исследованы фрагментарно и в недостаточной мере, поскольку считалось, что язык богослужения оставался постоянным и нечувствительным к изменениям в живой речи.

Тем не менее, вопреки этим установкам недавнего прошлого, отечественное историческое языкознание у самих своих истоков, как и в лучших своих достижениях в дальнейшем, опиралось на данные текстов традиционного содержания, которые привлекались в трудах А.Х. Востокова,

¹ См.: Колесов В. В. Русская историческая фонология / В. В. Колесов. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – С. 184.

² См.: Крысько В. Б. Русско-церковнославянские рукописи XI–XIV вв. как источник по истории старославянского и русского языков: новые данные // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. – М., 2003. – С. 342.

³ Баранов В. А. Формирование определительных категорий в истории русского языка / В. А. Баранов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – С. 5.

И.И. Срезневского, М. Козловского, И.В. Ягича, Р.Ф. Брандта, А.И. Соболевского, А.А. Шахматова, Н.Н. Дурново, С.П. Обнорского, В.В. Виноградова, П.С. Кузнецова, Г.А. Хабургаева, В.М. Маркова, В.В. Колесова и др. В недавно опубликованном академическом четырехтомнике по исторической грамматике древнерусского языка именно славяно-книжные памятники, в том числе неизданные и рукописные, составляют источниковедческое основание исследования⁴.

Таким образом, **актуальность исследования** определяется тем, что многоаспектное научное описание новых источников является центральной проблемой исторической русистики. Оно нацелено на пополнение известного фактического материала новыми данными из неизученных рукописей и на верификацию полученных ранее данных и теоретических обобщений.

Объектом исследования является рукопись РГБ, Тр. 4 – Паримейник второй половины XIV в. (Прм XIV₂).

Паримейник хранится в Российской государственной библиотеке из собрания Троице-Сергиевой лавры, не издан и не был исследован. Объем рукописи составляет 142 листа. При работе использовались цифровые фотокопии рукописи РГБ, Тр. 4, размещенные на сайте Троице-Сергиевой лавры (www.stsl.ru/manuscripts).

Паримейник – книга, содержащая паримии. Паримия (паремья) – читаемый в православной церкви во время богослужения отрывок преимущественно из Ветхого завета, содержащий пророчество или поучение и читаемый в навечерие (накануне) больших церковных праздников, а также в дни Великого поста. Паримейник – переводной памятник, оригиналом для которого послужил греческий профитологий. В исследуемый Паримейник из собрания Троице-Сергиевой лавры вошли фрагменты из ветхозаветных книг Бытия, Исхода, третьей и четвертой книг Царств, Иова, Притчей Соломона, пророков Исайи, Иеремии, Иезекииля, Софонии и Захарии, а также новозаветные чтения из посланий апостолов Иоанна и Петра. В паримейниках редко встречаются чтения новозаветные, как правило, лишь на праздники апостолам. Кроме того, на день памяти святых Бориса и Глеба положены чтения из истории их мученической кончины.

По словам исследователей, некоторые южнославянские тексты переписывались и читались на Руси как памятники кирилло-мефодиевской традиции – Псалтырь, гимнографические произведения, а также Паримейник. Данные тексты не подвергались существенному редактированию в Древней Болгарии, поэтому в них сохранялись архаизмы кирилло-мефодиевской

⁴ См.: Иорданиди С. И. Историческая грамматика древнерусского языка / С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. – М.: Азбуковник, 2000. – Т. 1: Множественное число именного склонения. – 310 с.; Жолобов О. Ф. Историческая грамматика древнерусского языка / О. Ф. Жолобов, В. Б. Крысько. – М.: Азбуковник, 2001. – Т. 2: Двойственное число. – 236 с.; Кузнецов А. М. Историческая грамматика древнерусского языка / А. М. Кузнецов, С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. – М.: Азбуковник, 2006. – Т. 3: Прилагательные. – 496 с.; Жолобов О. Ф. Историческая грамматика древнерусского языка / О. Ф. Жолобов. – М.: Азбуковник, 2006. – Т. 4: Числительные. – 360 с.

эпохи. Чтения о свв. Борисе и Глебе, включенные в состав Паримейника, также создавались под влиянием кирилло-мефодиевской традиции, а не собственно древнеболгарской⁵.

Предмет исследования составляют палеографические, графико-орфографические, фонетические, грамматические и лингвотекстологические особенности исследуемого памятника.

Цель данной работы заключается в том, чтобы, используя достижения палеографии, исторической грамматики и лингвотекстологии, определить время написания и диалектное своеобразие данного памятника, представить детальный анализ его основных языковых особенностей и лингвотекстологическую характеристику.

В соответствии с поставленной целью предполагается решить следующие **задачи**:

1) рассмотреть графико-орфографические особенности рукописи, а также осуществить анализ ее палеографических примет в целях установления количества переписчиков, работавших над текстом памятника;

2) изучить фонетические особенности рукописи, включая оценку состояния редуцированных гласных и следствий их утраты, соотношение древнерусских и южнославянских рефлексов, разбор встречающихся в ней диалектизмов (фонетических и морфологических) в целях уточнения датировки и происхождения нелокализованного и недатированного письменного источника;

3) осуществить морфологический анализ основных частей речи – существительных, прилагательных, системы глагола (в том числе причастий и деепричастий) – в целях изучения отраженных в рукописи традиционных и инновационных словоформ, а также для подтверждения ранее полученных выводов;

4) дать лингвотекстологическое описание фрагментов рукописи (чтений о Борисе и Глебе), сравнение языковых особенностей канонического текста и оригинальных древнерусских произведений;

5) выявить архаизмы (грамматические и лексические), доказывающие «доболгарское», кирилло-мефодиевское происхождение Паримейника как богослужебного текста;

6) сравнить разновременные списки паримейника (Прм 1271 и Прм XIV₂) для того, чтобы представить динамику графико-орфографических систем и осуществить наиболее полный анализ рукописи РГБ, Тр. 4;

Помимо решения исследовательских задач, при работе над диссертацией ставилась также информационно-технологическая задача –

⁵ См.: Пичхадзе А. А. Южнославянские традиции в древнерусской письменности (лексика и грамматика) // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. – М., 2008. – С. 153.

подготовка и публикация электронного издания рукописи РГБ, Тр. 4 на сайте ИАС «Манускрипт».

Основными **методами** исследования являются: диахронический, с помощью которого стало возможным рассмотрение графико-орфографической, фонетической и грамматической систем в контексте общего развития древнерусского языка; сравнительный метод позволил получить новые данные при анализе фрагментов рукописи (оригинальных текстов) и разновременных списков; количественный метод при работе с большим объемом материала позволил получить достоверные выводы на основе определения количества тех или иных форм.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые проводится детальное описание языковых особенностей Паримейника по рукописи РГБ, Тр. 4, а также дается его палеографическая и графико-орфографическая характеристика. В научный оборот вводится новый материал, свидетельствующий о состоянии славяно-книжного языка в позднерусский период и позволяющий проследить динамику фонетической, морфологической и лексической систем в истории русского языка, а также эволюцию графико-орфографических стандартов письменности.

Теоретическая значимость: исследование позволяет определить исторический характер языковых черт такого важного богослужебного жанра, как паримейный текст; представить объективную картину формирования и функционирования основных частей речи и свойственных им грамматических категорий, развитие диалектного членения древнерусского языка; проследить формирование грамматической нормы русского литературного языка.

Практическая значимость: материалы работы могут использоваться в учебном процессе в общих курсах по истории русского литературного языка, исторической грамматике, при разработке спецкурсов по исторической диалектологии, истории русской графики, орфографии, морфологии. В качестве основы создания электронного корпуса древнерусских списков Паримейника.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Палеографические и графико-орфографические особенности недатированной рукописи РГБ, Тр. 4 позволяют представить живые языковые изменения в орфографическом строе и отнести данный письменный источник ко второй половине XIV века.

2. Фонетические особенности рукописи РГБ, Тр. 4, а именно состояние редуцированных гласных в языке ее переписчиков, свидетельствуют о завершении парадигматического этапа процесса падения глухих в древнерусском языке. Соотношение южнославянских, соответствующих традиции книжных текстов, и восточнославянских рефлексов, отражающих живую речь, позволяет сделать вывод о довольно значительном количестве собственно древнерусских черт в Паримейнике.

3. Отражение традиционных и инновационных процессов в развитии основных частей речи – имени и глаголе, а также присущих им грамматических категорий демонстрирует приверженность книжно-письменной традиции. Вместе с тем в рукописи присутствуют грамматические инновации, порождающие новые типы вариативности и способствующие впоследствии закреплению одних форм и исчезновению других.

4. Фонетические и морфологические диалектные черты в Паримейнике демонстрируют диалектную неоднородность древнерусского языка, а также дают возможность предполагать западнорусское происхождение переписчиков исследуемой рукописи либо антиграфа.

5. Своеобразие Паримейника как богослужебного жанра состоит в том, что он восходит к кирилло-мефодиевской, а не собственно древнеболгарской традиции и, кроме того, включает в себя оригинальные древнерусские тексты. Включение в состав Паримейника собственно древнерусских богослужебных сочинений позволяет проследить развитие литературной нормы и отражение в ней кирилло-мефодиевско-охридско-преславских грамматических и лексических параллелей. Сравнение языковых особенностей разновременных списков паримейников – в частности, Троицкого и Захариинского – воссоздает объективную картину развития языковых единиц разных уровней.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в докладах на следующих научных конференциях: 1) итоговые конференции кафедры истории русского языка и языкознания КГУ 2008–2010 гг.; 2) IX ежегодная научно-практическая конференция «Богословие и светские науки: традиционные и новые взаимосвязи» (Казань, 2009 г.); 3) X ежегодная научно-практическая конференция «Богословие и светские науки: традиционные и новые взаимосвязи» (Казань, 2010 г.).

Структура работы: диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка, приложений.

Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки РФ, государственный контракт № 02.740.11.0595 по теме «Языки мира: информационные ресурсы для типологических, сравнительно-исторических и ареальных исследований». Подготовка и электронное издание Паримейника второй половины XIV в. (РГБ, Тр.4) осуществлены в рамках научного проекта «Лингвотекстологические и корпусные исследования грамматической семантики древнерусского текста» 2.1.3/2987 (аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы» Федерального агентства по образованию РФ).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность, формулируются цель и задачи работы, основные положения

диссертации, перечисляются применяемые методы, определяется научная новизна, указывается теоретическая и практическая значимость работы.

В I главе «Палеографические и графико-орфографические особенности рукописи» предпринят анализ палеографических примет исследуемого письменного источника и графико-орфографических норм в плане использования варьирующихся букв.

По совокупности палеографических примет рукопись РГБ, Тр. 4 возможно датировать второй половиной XIV века. Данную датировку подтверждают особенности начертания наиболее изменяющихся письменных знаков: ю, ю, ж, ч, з, р, элементы украшения рукописи – инициалы, выполненные в тератологическом стиле, наличие в рукописи отдельных букв или приписок, выполненных полууставом, на полях и в тексте. Кроме того, особенности начертания и употребления букв, строчных и надстрочных знаков позволяют сделать предположение о как минимум пяти переписчиках, принимавших участие в работе над текстом Паримейника.

Анализ графико-орфографических норм рукописи РГБ, Тр. 4 свидетельствует о стабилизации орфографической системы древнерусского языка. Графико-орфографические особенности, наметившиеся в восточнославянском письме в XIII веке, в Паримейнике приобретают большую определенность и законченность.

Так, в дублетном звене ѡ – Ѧ – о отражена восточнославянская орфографическая традиция разграничения омофоничных буквенных обозначений по позиции в слове: ѡ – Ѧ – в начале слова или слога: ѡкитакѣ (11б), ѡтроуа (29г), ѡполѹишасѣ (98г), ѡбоудѹстра (21а), фараѡсовѣ (98г), прѣѡбращѹ (100а); Ѧдождитѣ (113а), Ѧтрокѣ (114а), прѣѦбразѹюще|сѣ (130г); о узкое – в середине слога: похвали|мѣсѣ (29г), мори (98г), ско|имѣ (98г).

Каждый из пяти переписчиков придерживается определенного набора вариантных графем и их дистрибуции. Первый, третий и четвертый писцы употребляют две буквы: ѡ и о узкое. Второй и пятый переписчики не используют омегу (кроме предлога / приставки ѡ), вместо нее находим у них Ѧ (Ѧ, иногда из-за качества пергамена точки визуально неразличимы, Ѧ), она более широкая, чем обычная буква о. Возможно, это модификации буквы ѡ очное, отличия в данном случае связаны с техникой письма и функциональной нагрузки не несут. Позиции, в которых используются ѡ и Ѧ, идентичны.

В строгой дифференциации по признаку положения в слове и последовательной дистрибуции омофоничных буквенных обозначений у каждого из переписчиков рукописи заключается своеобразие рассматриваемого памятника, поскольку в Галичском евангелии XIV в., к примеру, по словам Б.И. Осипова, «один писец в начале слов употребляет почти исключительно ѡ, другой ѡ очное, а остальные два – безразлично оба

варианта»⁶. Последовательная замена ѿ на ѿ в Паримейнике вторым и пятым писцами была, возможно, вызвана удобством написания последней. Здесь, очевидно, мы сталкиваемся с совершенно иной, чем у первого писца, школой письма, где широкое ѿ замещает на письме омегу. При варьировании омеги и ѿ нельзя исключать также совмещения орфографии антиграфа и навыков писца. Нередко писцы сохраняли вариативность, чтобы подчеркнуть свой профессионализм – владение разными графическими вариантами⁷.

В звене оу – у также выдержан принцип дифференциации графем-коррелятов в зависимости от положения в слоге. Диграф оу в подавляющем большинстве случаев оформляет позицию начала слова или после гласного: оупо|каѣта (3а), оустѣ (39б), оукоре|ннѣ (39б); наоуѣю (7г), пооуѣаѣтѣ (39б). Монограф у наблюдается, как правило, после согласного, единичные случаи написания его в начале слова связаны со стремлением к постепенному упрощению и облегчению письма: наслѣдую (2а), кнуши (3б), моѣму (7г); в предложно-падежных сочетаниях: із устѣ (39б, 47а), кеѣ ума (47б); вместо диграфа оу в начале слова: роѣ (так!) · устѣ моѣ каѣгати прѣдѣтѣ (32г). Графема у традиционно используется при оформлении заимствований в соответствии с греческой буквой ипсилон: ѣгупта (35в, 36а, 118б, 142г), скуменѣ (77в), асѣри|анѣ (35в, 40а). Буква ук в тексте Паримейника закономерно отсутствует, поскольку ее функционирование ограничивается уже к концу XIII в. Тем не менее скорописные источники более поздних периодов развития письменности будут пестрить графемой ѣ.

Четкое распределение дублетных букв ѣ – ѣ – ѣ аналогично в рукописи дистрибуции графем, обозначающих фонему <о>: ѣ – ѣ широкое у всех переписчиков являются абсолютно взаимозаменяемыми в позиции начала слога и слова, использование последней в рукописи наблюдается редко и обусловлено стремлением к экономии места в строке: ѣрѣма (8в), ѣже імѣтѣ (9в), ѣзикѣ (50а); ѣтнѣ (9г), раѣумѣѣши (10а), скоѣ (50а); стѣкорити ѣрѣму (2б), ѣемѣ ѣси (15в); ѣ узкое выполняет нейтральную функцию, употребляясь всегда после согласного: шѣстѣѣ (10а), смѣшленѣ (10б), прѣѣриши (10г).

В звене і – і – і – и маркированным членом выступает і десятиричное, использование буквы обусловлено тенденцией к экономии места в строке:

⁶ Цит. по: Рябова Е. В. Функционирование дублетов в новгородских евангелиях XII–XIII вв.: дис. канд. филол. наук / Е. В. Рябова; Удм. гос. ун-т. – Ижевск. 2003. – С. 27.

⁷ См.: Жолобов О. Ф. Древнеславянские списки Паренесиса Ефрема Сирина: новые данные и новые аспекты исследования // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10-16 сент. 2008 г. Доклады рос. делегации. – М., 2008. – С. 53.

содомастн|і (3г), і ім'єнає (4б), оумзєлн|чх (2б), яззєц| (6г), пр|ятх (51б), ж|зєнн (51б).

Закрепление новейшей орфографической тенденции демонстрирует и распределение графем в звене ю – ѡ – а по позиции в слоге: ю – в начале слова и после гласных: юзѣщѣхъ (12г), юко (13а), юкиша (13в); оустоѡта (13г), змиѡа (14б); ѡ, а – в середине слога: кѣдѡше (14в), пѡтѡи (15б), кзѡтъ (15в), імѡта (14в).

В Прм XIV₂ господствуют традиционные восточнославянские сочетания шипящих с буквами а, ю, которые устанавливаются в рукописях начиная с XI в. Такое распределение является фонетическим русизмом, в то время как сочетание шипящих и ц с у относится к влиянию древнеболгарских оригиналов. Примеры из текста: хѣзница (3г), жалостно (84в), чѣстѣ (66б), глѣша (26г), горѣша (34б); зѣницю (12а), мѹжю (64г), чѹкесткиѣ (65а), дѣшю (28б), зѣшицю (50б).

Таким образом, рукопись РГБ, Тр. 4 характеризует наличие последовательного правописания с четкими правилами. В строгом распределении вариантных обозначений, которое последовательно проводится переписчиками на всем протяжении рукописи, заключается графико-орфографическая отличительная особенность исследуемого текста.

Во II главе «Фонетические особенности рукописи» рассмотрены отражение редуцированных гласных в Паримейнике, соотношение южнославянских и восточнославянских рефлексов, а также проанализированы фонетические инновации и диалектизмы в исследуемом тексте.

Анализ отражения редуцированных гласных в Паримейнике свидетельствует о полной их дефонологизации, что подтверждают факты пропуска глухих в префиксах, корнях, предлогах, в конце слов перед энклитиками, вставка лишних еров, переход редуцированных в гласные полного образования: мнѣ (4б), тмоу (7б); створю (2а), стажа|кша (3б), кмѣ|нитѣса (47в), кнесє (39а), к пѣт (1в), к землю (1г), к бѹ (8б), к ножи (32в); напрагох та (78в), акрам же (128в), по|стакают ко (138а); ѡзѡ|кѹ (22в), акѡ|рамѡ (60а); пришеца (16а), хѡтре|ца (138в). Материал Паримейника отражает финальную стадию в процессе падения редуцированных, в нем наблюдаются многочисленные следствия их утраты:

1) утрата двух фонем приводит к возникновению беглых гласных [o] и [e], возникших на месте сильных редуцированных и чередующихся с нулем звука, который образовался из тех же редуцированных в слабой позиции, – чередований с нулем звука:

а) вокализованного редуцированного с нулем звука: **күрeнэ** (36в) – **күрeнэmэ** (35г), **кoнeцэ** (56в) – **кoнцэ** (23б, 30а, 38в, 47б, 53г, 60г, 71г, 100а, 107в, 108в), **пeркeнeцэ** (63а) – **пe|рк'к'нцэ** (126в, г, 127а), **cтүдe|нeцэ** (71в) – **cтүдe|нцэ** (85б, 115г), **үкэ|нeцэ** (101а) – **үкэ|кэ|нц'к** (100г), **птeнeцэ** (126г) –

птенци (93г), а также оугодѣнѣ (115в, 122в) / не|оугодѣнѣ (13г) – оугодѣнѣ (50а, 115г, 116г, 121г), кокарѣ|нѣ (79в) / кокарѣ|нѣ (44б, 48г) – кокарнѣ (49а) и под.;

б) сохраненной в записи буквы редуцированного с нулем звука: кѣрѣнѣ (5г) – кѣрно (10б, 41в, 49а), жикотѣнѣ (27г) – жикотнѣнѣ (17в, г, 37б, 55а, 79а, в, г, 82б, 88в), прѣкѣдѣнѣ (41б) – прѣкѣдно (10в, 26а, 31б, 33в, 36г, 39б, 41б), а также чюдно (7в), стѹднѣмѣ (16в), клѹдна (21а), вѣзкоднѹ (34г), вѣсквѣрнѣхѣ (55б) и т. д.;

2) отмечены случаи ассимиляции по звонкости-глухости согласных, которые оказались рядом после падения редуцированных: пѹтѣ прѣкѣднѣхѣ глаткѣ (10в), гдѣ (10в) и кдѣ (127б), тѣшко (24а) и тѣжкѣ (117г), ѿзборнаго посла^н (116г) и ѿсборнаго посланѣнѣ (117б), зѣдрѣ (59а), коспи (64а) и козпиша (95г);

3) случаи ассимиляции согласных по твердости-мягкости: пѣтица (27в), пѹтемѣ темѣнѣмѣ (10б), прѣкѣдѣнѣнѣ (10б), зѣбрѣлѣнѣхѣ (7в), прѣкѣдѹ (37г), вѣзѹмѣнѣнѣ (45г);

4) диссимиляция по способу образования: не стоѹше нѣхѣ|тоже (69а);

5) упрощение групп согласных: кѣзратитѣ гѣ (10г, 59г), козратѣнѣнѣ тѣок (15б, 18а), старѣца пѣдѣсѣтнѣнѣ (13б, в данном примере можно видеть и отражение ассимиляции) и т.д.;

б) отвердение конечных губных согласных, в частности – отвердение конечного [м] в формах ТП ед. ч. в тех типах склонения, к которым относились слова мужского и среднего рода: нѣжнѣнѣ іхѣ с вѣзѣконѣмѣ (13в), аще прѣмѹдрѣ бѹдѣши срѣцѣмѣ сконѣмѣ (72а), ѡрѹжѣмѣ (73г), сѣ наковѣмѣ ѿцѣмѣ скоімѣ (80а) и т.д. Примеры отвердения конечного губного согласного в форме первого лица ед. ч. нетематического глагола: кмѹ дамѣ зѣмлю сѣю (48г), наковѣ дамѣ тѣбѣ зѣмлю наслѣдити ю (52г, 54г, 56б, 82а, 92в, 114б).

Вместе с тем рукопись следует книжным нормам, что проявляется в длительном сохранении букв сильных и слабых редуцированных в суффиксальных морфемах, реже – в корнях и приставках. Случаи сохранения глухих на письме обусловлены в том числе книжным характером рукописного источника. Материал исследуемого памятника свидетельствует и о том, что утрата слабых глухих регулировалась фонетически, а также морфонологически, на это указывают случаи их длительного сохранения и прояснения в некоторых морфемах, в большинстве случаев это происходит в составе суффиксов -ѣск-, -ѣстк-: нѣжнѣѣскѣхѣ (2г), лѣканѣскѹю (10г), морѣскѣнѣ (11а), чѣкѣсткѣнѣ (4б, 39г) и чѣкѣсткѣнѣ (10а). Сохраняющиеся слабые редуцированные выступают в качестве дизъюнктора морфем,

препятствует стиранию морфемной границы, сохраняя звуковой облик лексем⁸.

Примечательно, что в графико-орфографической системе исследуемой рукописи взаимозаменяемыми выступают ж и о, л, е и ѣ. Примеры из текста: л|мосѡхъ (3б, ж = о), оупокаѡмъ (21б), снѡстл (32б, л = ѣ), лѡжащею (29в, л = е), нежали (66в, л = е). После утраты редуцированных подобное смешение графем в поздних источниках может отражать динамичные тенденции в орфографии – во-первых, частичное сохранение старых написаний, во-вторых, замена их новыми под влиянием звуковых изменений, в-третьих, контаминация двух названных типов.

Анализ старославянских и древнерусских огласовок в Паримейнике позволяет сделать вывод о достаточно последовательном использовании переписчиками одного из вариантов. Рукопись не дает убедительных доказательств стилистического разграничения тех или иных огласовок. Канонический текст в целом стилистически однороден. Старославянская традиция выдержана в отношении следующих рефлексов:

*tj: глѣше (2г), живуще (2г), хошю (4а), ѡвращю (4б), ѡвѣщають (29б),
плещиχъ (77в);

*kt, *gt перед гласными переднего ряда: нощю (7а), пещь (88а, 106в), дщере|хъ (58г, 77г);

*tort, *tolt, *tert, *telt (однако с древнерусской заменой ꙗ на е): крѣтѣхъ (30г), глѣдомъ (36г), млѣко (77г, 94б), крѣꙗ (136в);

*ort: ραζυμ'εσα (3β, 4γ), ραζαν|υατι (7α), ρακν'εμα (37γ), ρακx (62α);

начальные ю, а: юдинѧ (2г, 12а, 14б, 15б, 16б), юдинауѣ (68б, 97б), юлико (86а, 90б), азѧ (1в, 1г, 2а, 2г, 5в, 8г, 17а, б, 18б, 19а, 23б и т.д., всего около 167 примеров), агнеца (4а, 21в, 66а, 86г, 91в, 94в, 108г, 126г, 131а).

Что касается рефлексов сочетаний *stj, *skj, *sk перед гласными переднего ряда, то они передаются в рукописи графемой џ: причѡ|ѡлютъѡсѡ (5в), поіѡеши (10а), ѡц'ѡшенѡ (26а) и под.

Сочетания *zgj, *zdj, *zg + i демонстрируют вариативность рефлексии. С одной стороны, в рукописи преобладают традиционные старославянские написания: ѡдожди (11в, 17б), дождѣ (36в), ражде|гѹ (6а), дрождымѣ (42г), с другой – наблюдаются написания, отражающие древнерусское произношение: сре|кро ражено ѡзжѣ прѣдника (37в), злато ражджено|ю (38б). Кроме того, в рукописи присутствуют диалектные орфограммы с жч, характерные для юго-западной древнерусской территории и отражающие праславянскую палатализацию сочетания *zg (дѣжчѣкѹ, дожчѣ, 134а)

⁸ См.: Попов М. Б. Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка / М. Б. Попов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 346 с.

Тем не менее, Паримейник – памятник, в орфографии которого содержится значительное количество собственно русских черт:

это постоянное написание ж в соответствии со старославянским жд < *dj: *преже* (1г), *межю* (7а), *досаженыѣ* (18а), *хо|женыѣ* (20г), *наслажаѣтъ* (20г);

так называемые «русские» написания сочетаний типа *tʏrt: *дарзюкеныѣ* (7в), *потдрп'кхъ* (19б), *де|ржащимсѧ* (13а), *оутверженъ|ѣ* (13а), *полка* (49г);

начальное оу: *оуношю* (22в, 113в), *оугъ* (111б).

Кроме того, при явном преобладании традиционного ѡ в рукописи присутствуют написания с буквой ѣ < *tj, *kt перед гласными переднего ряда: *хоуеши* (85а), *ни поропчютъ* (65в), *с'к|чи* (34а), слова с полногласием: *чересла* (82г), *полониша* (83б); словоформы с начальными *ро-*, *ло-*: *розкара* (51г), *локо|тъ* (30б, 36в, 76в, 196а, 109б), *к лоды|хъ* (35г); восточнославянские формы с начальными *ю*, *о*: *се юзъ г'ѣ* (59в, 62в, 63а), *ѡ|диначе* (68г).

Сочетания губных с *j* преобразуются в сочетания губных с палатальным [j']: *кля|гослокленыѣ* (37а, 62г, 130б), *противляющихъсѧ* (54б), *люкляше* (62г). Данный рефлекс, помимо восточнославянских, есть и в древних южнославянских источниках. В болгарских диалектах происходила утрата вставного [j'], как в единичном примере *оумрѣкеныѧ* (75в), однако здесь возможна и описка.

Прм XIV₂ был создан до второго южнославянского влияния, в его орфографии отсутствуют такие яркие южнославянские черты, как, например, знак *ѧ* в составе буквы *ѧ*, «болгарские» написания редуцированных с плавными (*крдхъ*), распространение графем *з* и *ж*, употребление двух гласных *ѧ* вместо *ю* в результате утраты интервокального *j* (написания типа *докраѧ*), обязательное использование перед всеми гласными *і* десятиричной, а не и восьмеричной (*п'кнїе*)⁹. Таким образом, во второй половине XIV в. пора архаизации для русской книжности еще не настала, наоборот, «это была эпоха наибольшего «обрусения» церковнославянского языка на восточнославянской почве, которое и вызвало спустя несколько десятилетий реакцию в виде «второго южнославянского влияния»¹⁰.

Изучение языка и правописания Прм XIV₂ приводит к заключению, что для говора переписчиков исследуемой рукописи (или антиграфа) характерны следующие черты: 1) переход [e] в [o] после шипящих и парных смягченных: *напишотѧ* (34б), *разъ|кращюно* (31а), *низъшодѧ* (46б), *шодѧ* (62в, 74г), *щодръ* (35б), *нищотѧ* (25г, 36г, 37в), *ко|зли б'клѧ* и *пострѧ* (66а);

⁹ См: Щепкин В. Н. Русская палеография / В. Н. Щепкин. – М.: Наука, 1967. – С.127.

¹⁰ Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игоревы... К лингвотекстологической стратификации начальной летописи // Russian Linguistics. – 2001. – № 25. – С. 149.

2) отдельные случаи смешения *ʔ*, *ε* и *и*: *плѣнѣѣ* (31г) и *плѣнѣтѣ* (46а), *ѣзикѣнѣ* (49г) – *ѣзикѣи* (50а), на *ѣтѣрѣ* наѣтѣкѣ (11г, исконно *ѣтѣри*), *лицѣ* *сконѣ* (50а, ВП, вместо *лицѣ*), *ѡже* *ѣцю* *срѣѣ* *ѡраѡлокѣ* (98г, ДП, вместо *ѡраѡлоки*);

3) спорадическое отражение нового *ʔ*, как в галицко-волынских источниках: *снѣдѣннѣмѣ* (66в, < *сѣнѣденѣ*), *ѡсѣдѣлакѣ* (59в, < ст.-сл. *осѣдѣлати* (Супр.), *смѣрѣнѣи* (118б, < *сѣмѣренѣ*);

4) отдельные случаи смешения [*и*] и [*ы*]: *послѣдѣ* (72г) и *послѣдѣ* *же* *ѡбращѣтѣ* *горши* *зол* (20г), *трѣзѣщѣсѣ* *ѡти* *нѣдѣ* *ѡупокѣнтѣ* (130г) и *ѡтѣнѣдѣ* *ѡ* *гѣлѣ* *и* *до* *ногѣ* (3в);

5) наличие протетического *к*: *котрока* *сконѣ* (59в), *слоко* *гѣне* *кѣ* *иконѣ* (96в);

6) отпадение начального *і* < **jъ*: на *сѣкренѣго* *сконѣго* (13б), тогда *зѣрзѣтѣсѣ* *ра* *но* *скѣтѣ* *ткон* (68б), *снѣ* *зѣлѣ* *сѣтѣи* (75б), *з* *гѣбинѣ* *ѡзѣлѣ* (82а);

7) отверждение мягкого *р* и смешение орфограмм с мягким и твердым *р*: *олтарѣ* (131б) и *олтарѣ* (135в), *кѣхорѣ* (134в), *и* *кѣ* *кѣ* *рѣ* *и* *и* *кѣ* *ѡутро* (7в) и *и* *кѣ* *кѣ* *ѣѣрѣ* *и* *и* *кѣ* *ѡутро* (9в), *рѣщѣтѣ* (5б, ср. *рисѣтѣ*, *рищѣ*), *же* *нѣ* *ѡѣру* *кто* *ѡбращѣтѣ* (76б), *прѣмо* (86а).

Немногочисленные примеры употребления *жѣ* < **zg* отмечены у пятого переписчика. Показательно также такое общевосточнославянское преобразование, как изменение [*кы*], [*гы*], [*хы*] в [*ки*], [*ги*], [*хи*]. Все это на фоне различия аффрикат *ѣ* и *ѣ*, шипящих и свистящих *ш-ѣ*, *ж-з*, употребления *ʔ* в соответствии с этимологией и обобщения форм твердой разновидности на *-ʔ*, отдельных свидетельств губно-губного качества *к* и фрикативного характера *г* позволяет сделать предположение о западном или юго-западном древнерусском происхождении переписчиков исследуемой рукописи либо, по-видимому, менее вероятном, влиянии антиграфа.

Такие языковые особенности, как отсутствие мены *ѣ* и *ѣ*, характерные для территории древнего Новгорода, *з* и *ж*, *с* и *ш* – Пскова, *к* и *ѣ* – южно- и западнорусских земель, свойственны московскому народному говору, и в целом среднерусским говорам, XIV века. Язык Москвы, в которой, по-видимому, мог быть создан Прм XIV₂, «был сравнительно чист, то есть не имел никаких резких особенностей, которые выделяли бы его из ряда других говоров»¹¹. Принадлежность памятника письменности ростово-суздальскому говору устанавливается от обратного: по отсутствию в нем черт, присущих другим диалектам¹². Язык рассматриваемой рукописи не носит нейтрального

¹¹ Соболевский А. И. История русского литературного языка / А. И. Соболевский. – Л.: Наука, 1980. – С. 45.

¹² См.: Голыщенко В. С. Из истории русского языка XII в. (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Чудовского собрания №12 Государственного

характера, имеющиеся фонетические диалектизмы хотя и отражены в ней непоследовательно, но являются довольно выразительными, а в совокупности своей образуют существенную величину. Если создание рукописи все же связывать с Москвой, то допустимо считать, что переписчики были переселенцами с западно- или юго-западнорусских земель (см. ниже также о морфологических диалектизмах).

В III главе «Грамматические особенности рукописи» дан анализ грамматических особенностей имен существительных, прилагательных, системы глагола.

Анализ грамматических особенностей существительного в рукописи обнаруживает приверженность традициям. Об этом свидетельствует употребление таких сугубо книжных форм, как ДП существительных муж. рода на -оки (-ѣки): *ѣлисѣѣки* (104а, 136а), *гиѡзѣки* (104б), *фараѡноки* (69в, 80г), *китоки* (96а, в);

формы на -оке в ИП мн. ч.: *-ѣ-основы: *домоке* (19б, 111а), *пироке* (72г, 81б), *ко|локе* (83а), *сѣ|ноке* (98в); *-о-основы: *хрустоке* (113б), *краноке* (132а);

частое использование форм в ЗП: *клѣко кседе|ржиталю* (65а), *ізкакителю хѣ бе на|ша* (84а), *кнатѣ ли дѣаколе* (86а);

образования со стяжением -и вместо -ни в РП мн. ч.: *оужасе|са дѣа ѣго і дѣа лю|ди ѣго* (26в), *люди мои|хѣ* (71а), *запо|кѣди тѣо|ѣ не послуша|хомѣ* (108б).

Сохранение данных образований могло поддерживаться использованием тождественных форм в разговорном языке.

Вместе с тем инновационные формы отмечены практически во всех типах склонения, хотя и не всегда в большом количестве:

формы ТП ед. ч. с отвердением конечного [м'] вследствие падения редуцированных гласных: *с кѣ|законѣмѣ* (13в), *подѣ іго|мѣ ѣдиномѣ* (100а), *кзѣтѣ бѣ| ила|ѣа ки|хромѣ на не|ко* (136б);

формы, отражающие номинативно-аккузативный синкретизм во мн. ч.: *і оумре кѣака плотѣ на землѣ і птица і зѣ|ѣри і ско|тѣ і гадѣ* (36в), *бѣли* (исконно) *зѣ|ѣ* (новая форма) *ѣго паѣе млека* (77г);

формы РП мн. ч. с флексиями -ов, -ей: *ѡ трудо|кѣ* (12в), *ни оукоі|са ѡ ѡ|кою дру|гокѣ гла|кнѣ кура|щю|са снѣ* (26в), *кѣла|кѣлѣ|дѣкѣ .г. тѣ|саши* (81б), *сѣ|пру|гѣкѣ коло|ѣхѣ .е. сотѣ* (81в), *грѣ|хѣкѣ ско|нѣхѣ* (125в); *ѡ зѣ|ереі* (14б, 15а);

новые формы ДП мн. ч. существительных сред. рода: *положи|тѣ каменѣ тре|ки|шамѣ* (43б), *криламѣ ѣ|тѣрѣ|мѣ* (79б);

В рукописи отражены унификация имен на согласный по продуктивным типам склонения: *посреди цѣ|рѣки і сона|мища* (21б, РП ед. ч.,

вместо цѣркѣ), дастѣ ма|терѣ скои (101в, ДП ед. ч., вместо матери либо смешение ѣ / и),inati же изѣѣ|стаѣ слову (4г, ДП ед. ч., вместо слокеи); переход собирательных существительных в парадигму мн. ч. и закрепление форманта -ѣ в качестве морфологического показателя множественности: бѣша трупаѣ іхѣ на|ко сметѣ посреди пола (22а), ї стара|ци каши сонаѣ оу|зѣ|раѣ (113в); ср. также вариативность словоформ ед. и мн. ч. со значением собирательной сложносоставности: ри|зи моѣ ї кѣ о|дѣ|наѣ моѣ о|кро|ва|кихѣ (110в, б) и о|дѣ|наѣ ско|ѣ (96г).

Материал рукописи позволяет сделать вывод об утрате категории дв. ч. в языке переписчиков, что подтверждают многочисленные замены форм двойственного числа множественным.: ѡ|кѣ|щакѣ и лаѣ и ра|хилѣ рѣ|ста (дв. ч.) ѣмѣ ѣ|да кѣ|та ѣ|ста на|мѣ (мн. ч.) и досто|ѣ|наѣ к до|мѣ ѡ|дѣ наѣ (дв. ч.) (66в), по|ѣ|та со|бѣ ѣ|ѣ же|нѣ (22б, мн. ч.), рѣ|ѣ а|кра|мѣ ѡ|тро|ко|ма ско|ма (дв. ч.) . сѣ|дѣ|те (мн. ч.) тѣ со сѣ ѡ|сѣ|ла|темѣ . а|зѣ же ї ѡ|тро|ѣ|ще до|дѣ|ѣ|ѣ (дв. ч.) до|сѣ|дѣ по|кло|нѣ|сѣ ї кѣ|зѣ|ратѣ|мѣ|сѣ (мн. ч.) (59г). Случаи последовательного употребления дв. ч. в рукописи связаны с книжным характером источника и архаизирующими тенденциями в тексте. Двойственное число сохраняется прежде всего у парных соматических существительных: і|зѣ| са|по|ѣ ѡ|но|ѣ тѣ|ко|ѣ (98в), к ру|цѣ ско|ї (104б).

Данные Прм XIV₂ подтверждают новейшие выводы о распространенности категории одушевленности не только у слов мужского рода, обозначающих лицо, но и во мн. ч. у существительных женского рода в древнерусском языке (в том числе в субстантиватах): при|ѣ|ти цѣ|ра (99г), ѣ ко|нѣ|сѣ а кѣ|на|зѣ ѣ|ти|те (138а), ѡ|ѣ|та ко|ло|дѣ|мерѣ (138в); ко|ка|ре|нѣ кѣ|дѣ|ѣ лу|ка|ка|го к му|ка|хѣ (70в), да|мѣ зѣ|ла|ѣ (ВП) зѣ по|гре|ѣ|ѣ|ѣ ѣ|го ѣ|а|тѣ|хѣ (В=РП) зѣ сѣ|рѣ|ѣ ѣ|го (91в), и не мог о|удѣ|р|жѣ|сѣ зѣ кѣ|ѣ|хѣ пре|до|сто|ѣ|ѣ|хѣ (РП) ѣ|мѣ (69а); ро|ѣ сѣ|нѣ ї дѣ|ѣ|рѣ|ї ї ѣ|ѣ|ѣ кѣ|ѣ|ѣ дѣ|ї а|да|ма|лѣ|ѣ ѣ|же жѣ|тѣ а|ѣ|ѣ ѣ|ѣ (24в).

В отношении имен прилагательных исследуемая рукопись отражает общие тенденции развития согласуемых частей речи в древнерусском языке. Притяжательные прилагательные в большинстве случаев сохраняют именное склонение, что характерно для церковно-книжных памятников XII–XIV вв. Посессивы употребляются, как правило, в постпозиции на месте родительного принадлежности в греческом языке: сѣ|нѣ а|мо|со|ѣ (6г), ѡ|ста|но|ѣ і|зѣ|ѣ (16в), кѣ ѣ|зѣ|щѣ ѣ|фѣ|ѣ|мо|ѣ|ѣ (31в).

Парадигмы именных форм представлены в рукописи не в полном виде: они сохраняются в единственном числе и прямых падежах множественного числа. Краткие прилагательные используются преимущественно в качестве определений и в составе сказуемого, реже употребляются в качестве субстантиватов: ли|цѣ не|ѣ|ѣ|ѣ (61б), грѣ|хѣ же ско|ѣ ѣ|ко со|до|ма|ѣ|ѣ по|ѣ|да|ѣ (13в); да|ї пре|дѣ|рѣ ѣ|нѣ (33б).

Полные прилагательные используются только в атрибутивной функции и субстантивированном употреблении. В роли определения имена прилагательные, как правило, находятся в постпозиции по отношению к определяемому слову: *іди к некгѣи гра|дѣ великѣи* (96в), *разумѣваѣ|тѣ же прѣвѣднѣи* (67а).

В качестве инноваций в парадигмах прилагательных в Прм XIV₂ отмечены: формы, отражающие номинативно-аккузативный синкретизм: *ноги бо іхѣ на зло скоро рѣшю|тѣ . скорѣи сѣ|тѣ крова проли|ти* (5в), *къмѣи досто|ишѣ* (58г), *вѣновѣтѣ|^с гради пѣстѣи* (102в);

формы полных адъективов в ИП мн. ч. на -ѣи, возникшие в результате обобщения форманта -ѣи и развития внеродовых словоформ: *вѣа|гнѣтѣсѣ кѣа вѣаца вѣ|лѣи* (66а); а также *прѣвѣднѣи кѣ вѣтѣст|вѣ тѣорѣтѣ мно|га лѣ^с* (46г), *неу^стѣи оу|зрѣ|тѣ* (125б);

наличие внеродовой формы прилагательного при определяемом среднего рода: *наказанѣи зѣи прѣметѣ* (33г).

В Прм XIV₂ наблюдаются несогласуемые формы компаратива (в том числе формы с отражением мены ѣ/и либо контаминации форм СрС с разными суффиксами): *вѣдѣтѣ вѣта|клѣниі у^стѣнѣи* (38б), *мѣдрѣи кѣтѣ незлоки|ѣи* (67а), *добрѣи ми оумрѣти неже|ли жи|ти* (97г), *старѣи намѣ вѣ|ди* (13в), *не вѣдѣ камѣ старѣи* (13в), *ни вѣдѣ людемѣ си старѣи* (13в), *кѣзрѣкнѣ|и пѣтамѣ кѣ і вѣди тоѣ мѣдрии* (25б), *дѣи прѣмдѣрѣ кинѣ прѣмдѣрии вѣдѣтѣ* (33в). Особые формы превосходной степени в рукописи отсутствуют.

Употребление личных форм глагола в Паримейнике характеризуется приверженностью традициям: в настоящем-будущем времени сохраняется архаичное склонение атематических глаголов: *аще бо на чѣшю и стеклѣницю дѣси* *вѣи тѣон* (72г, 52в, 9г), *дѣи тѣакѣ сѣлнѣю* (15б);

формы 2 л. ед. ч. без редукции конечного гласного: *аще бо прѣмдѣрѣ|тѣ прѣ|зовѣши* (9г), *разумѣи вѣрѣ|щѣши* (10а);

в рукописи используются конструкции с супином: *прѣдо|хѣи кѣзѣкѣстѣтѣ тѣвѣ* (83б), *кѣста ѣстѣи и пѣтѣ* (134б);

исконные формы сослагательного наклонения: *аще ли вѣиша ходили в пѣти вѣиша вѣрѣ|тали вѣиша пѣти прѣвѣднѣи глатѣи* (10в, 3 л. мн. ч.).

В качестве инноваций выступают:

формы настоящего времени с твердым окончанием (довольно большой процент для церковно-книжного текста): *гѣи пѣсѣтѣи мѣ* (17б), *мѣдѣи бо каплетѣи* (20г), *зѣвѣзѣи вѣмрѣатѣсѣи* (1а);

замены супина на инфинитив: *кѣстанѣтѣ разрѣшѣ|ти зѣмлю* (11а), *и|зѣдѣи нѣи оу|бити кѣ зѣмли пѣстѣи сѣи* (99в);

прогрессивные образования с обобщением суффиксального -и- в повелительном наклонении: *кѣскликните* (56г, три), *сѣдите* (59г), *рѣдите* (75в).

В качестве основного времени используется аорист, при описании длительного или повторяющегося действия – имперфект. Вместе с тем ошибки в формообразовании простых претеритов, а также употребление перфекта со значением простого прошлого действия без отнесенности его результатов к настоящему времени, позволяют говорить о постепенной утрате аориста и имперфекта в языке переписчиков: снѣ же ізлѣи ісхожаше рукою кѣсокою (99б, имп., 3 л. вместо ісхожаху), створихомъ · доумъ смрътаю · і свѣтоумъ кѣра носима · аще мимоидеть не имать прити на ны · положихъ ажю оуповаиакъ наша · і ажею покрѣмъсѣ (45а, сигм. аор., 1 л. вместо положихомъ); азъ створилахъ землю і члвкъ на ней · азъ рукою мою оутвердихъ нбо (58г, 1 л., ед. ч.).

Примечательны в рукописи формы 1 л. мн. ч. с формантами -мѣ, -мо, а также формы 3 л. ед. ч. глаголов I спряжения без -тъ, формы императива с обратной заменой и на ѣ у глаголов IV класса, примеры со стяжением типа пи, пите, свидетельствующие о юго-западном древнерусском антиграфе рукописи или о более вероятном юго-западном происхождении переписчиков: крѣту ткоуму покланѣмобѣ (42б), покланѣмосѣ (44г, 47а), кѣмѣ достоинѣи (31в, 58г, 108г); гѣа гордимъ протикитѣсѣ · а смиренѣмъ же даѣ благодѣтъ (16б), щадѣ же оустѣнѣ разумѣнѣ будѣ (37в); потерпѣте (99г, вместо потерпите), козрѣте (29б); снѣ пи коду ѿ скоихъ источниѣи (21б, 22г), прѣдѣте ѣдите моѣ члвкъ і пѣтъ моѣ кино кѣе чѣрпахъ камъ (33б, в форме отражен графико-орфографический эффект $\lambda = \epsilon$).

В рассматриваемом Прм XIV₂ нашли отражение тенденции, в соответствии с которыми происходила постепенная дифференциация причастных форм и деепричастия. Примечательно, что для причастий действительного залога (в том числе именных) характерно в рукописи традиционное атрибутивное употребление, а также использование в качестве субстантиватов: аще людаѣ придутъ мнози живуще къ пѣти градѣхъ (2г, ИП, мн. ч.), милуѣ нища блжнѣ кѣтъ (49а), встакивши гѣа скончѣютѣсѣ (6б).

Несмотря на приверженность переписчиков церковно-книжных текстов традициям, случаи нарушения в согласовании между причастием и существительным достаточно многочисленны: да кѣзвѣкѣселитѣсѣ срѣце моѣ ищющи гѣа (61б, вместо исконного ищѣа), жеѣна безумна лишена будѣтъ члвкъ · іже не вѣстѣ стѣда · сѣдѣа при двѣрехъ скоѣго дому · призывающи мимоходящи путѣмъ (35а, вместо сѣдѣащи), прѣимши сѣмѣ і афѣтѣ ризу і козложѣта на шѣѣ рамѣ скоѣ (43г, вместо прѣимѣа). В исследуемом позднерусском источнике сохраняется синтаксический синкретизм древнего причастия, тем не менее рассмотренные деепричастные формы постепенно обособляются формально и выступают в роли второстепенного сказуемого, обозначая действие, сопутствующее или предшествующее

основному: протикѹ мнѣ рече|тъ кѣспѣкѣа яко птица (34а), попра ма ѹл . стиѣ . кеса днѣ бора|са со мною (36а).

Именные причастия страдательного залога прошедшего времени господствуют в предикативном употреблении: гради ка|ши ѡгнама пожаже|ни (3г), яко стакле|нѣ кѣѣ кѣрѣма (13в). Полные формы используются, как правило, в атрибутивной функции, при этом примеры страдательных причастий настоящего времени в рукописи редки, поскольку они в первую очередь подвержены процессу адъективации: кижа собрана|а чада ткою (93б, ВП мн. ч. прош. вр.), скѣто|ма кура носима аще мимо|детѣ (45а, б, ИП ед. ч. наст. вр.).

Таким образом, Прм XIV₂ не отличается большой свободой в отражении грамматических инноваций, что может быть обусловлено консервативными установками переписчиков памятника, вместе с тем инновационные формы были найдены почти во всех рассматриваемых категориях, хотя и не всегда в большом количестве. Рассмотренные языковые формы могут свидетельствовать как о юго-западном антиграфе рукописи, так и, более вероятно, о западном или юго-западном происхождении переписчиков.

IV глава «Лингвотекстологическая характеристика рукописи» посвящена отражению кирилло-мефодиевских архаизмов, охридских и преславских элементов в грамматике и лексике рукописи; в ней дан анализ восточно- и южнославянизмов в Борисоглебском цикле, а также рассмотрены фонетико-орфографические особенности Паримейника 1271 г. по рукописи РНБ, Q, п. I, 13 в сравнении с Прм XIV₂.

Рукопись РГБ, Тр. 4 интересна с нескольких точек зрения, в том числе в силу специфики жанра паримейника. С одной стороны, Паримейник был переведен Кириллом и Мефодием одновременно с Евангелием-апракосом и Псалтырью, поскольку он принадлежал к числу книг, без которых не могло совершаться богослужение¹³. Материал Паримейника является ярким свидетельством неоднородности и сложности книжной традиции, воспринятой в Древней Руси и включающей как собственно кирилло-мефодиевские тексты, так и тексты, прошедшие редакторскую правку в Преславской школе книжности. Исследуемая рукопись отражает словоупотребление текстов первоучителей славян, и далее – традиции западноболгарских, в частности охридских, книжников. В данном случае обращают на себя внимание такие архаичные феномены, как последовательное употребление в большинстве случаев форм аориста с приращением: натса за нозѣ юго (104а, 136в), при|натѣ илѣа мило|тъ ско|ю и скитѣ . и оуда|ри кѣ воду (136а), я|коже ка|тѣ|са кѣ ѡцѣма нашима (126б);

¹³ См. Ван-Вейк Н. История старославянского языка / Н. Ван-Вейк. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. – С. 20–21.

нетематических форм сигматического аориста от глагола *рѣши*: *рѣхъ се азъ по|слю* (23г, 24а, 27в, 54а, 62а, 66б, 88в, 96б, 104а, 111г, 125а), *рѣша се мѣ ткоі ра|ки* (46а, 68г, 75б, г, 85в, 95б, в, г, 99в, 106г);

а также образования 1 л. ед. ч. настоящего времени *кѣмѣ* (ср. преславское *кѣдѣ*): и *рѣхъ сѣи кѣко гѣи . се не свѣмѣ гѣти ѣко оунѣ азъ кѣмѣ* (125а), *кѣ|мѣ колѣзни ихъ и изидохъ изѣти ѣ ѿ ѣгуптанѣ* (128а).

Заметны следы кирилло-мефодиевской переводческой школы и в области лексики. Так, в Прм XIV₂ повсеместно используются древние (кирилловские или охридские) лексемы *досадити* и *шюи* и их производные, а также послелог *ради*, в то время как древнерусские книжники чаще предпочитали им характерные для восточноболгарских памятников синонимы (*оу|корити* и *лѣкѣи*, *дѣла*). Примеры из текста: *радующи|сѣ ккупѣ досажаящи* (37г, 49а, 91б), *не оуклонисѣ на шю|кѣ* (20в, г); *сего ради тако гѣтѣ гѣдѣ* (6а). Кроме того, в рассматриваемой рукописи функционируют такие типичные для кирилло-мефодиевских переводов лексемы, как *поносити* (61а, 122в), *хулити* (131а), *пленица* (19в, 23а), *непщѣкати* (91б, 125г), *кѣли* (29в, 32в, 55а, 75б, 92г, 134в, 135а, 140б), *кѣспра* (113в), *тѣ|жи* (3г), *художникѣ* (13б), *козѣи* (121г) в значении «умение, ремесло, искусство», а также *кокарѣстко* (и однокоренные образования) в лишенном пейоративного оттенка значении «ловкость, умение»: *дѣстѣ незлобникѣмѣ кокарѣстко* (4г), *симѣ ко кокарѣ|сткомѣ много жи|кѣши лѣѣ* (33в), *сѣнѣ кокарѣ|нѣ послушникѣ ѿ|цю* (44б).

Соотношение преславских и охридских (опосредованно – кирилло-мефодиевских) лексем в рукописи свидетельствует о значительном преобладании последних в тексте. В частности, это такие образования, как *жикотѣ* и производные, *постѣ*, *крѣтище*, *риза*, *кѣна* и другие.

Безусловно, каждая из указанных особенностей в отдельности может быть обнаружена в различных памятниках славянской письменности древнейшей эпохи, однако взятые вместе они образуют специфический комплекс, свойственный определенному кругу текстов, который в наиболее полном виде представлен в произведениях учеников Кирилла и Мефодия. В то же время присутствие в Паримейнике восточноболгарских языковых элементов естественно в силу раннего взаимопроникновения западно- и восточноболгарских элементов и их отражения уже у ближайших последователей славянских первоучителей.

С другой стороны, проделанный анализ показал, что Паримейник оказывается крайне чувствительным к тем изменениям, которые происходили в разговорном языке, и что он является незаменимым источником для изучения норм русского языка. Это происходит в том числе благодаря включению в него особых небиблейских чтений, посвященных реальным историческим событиям, – оригинальных древнерусских произведений.

В Прм XIV₂ Борисоглебский цикл начинается первая паримия, которая предваряет общее повествование о Борисе и Глебе, она составлена в основном из отрывков книги Притчей Соломона, хотя полностью и не совпадает с библейским текстом. Данная паримия служила общим введением к повествованию о русских князьях. В финале рукописи положены три чтения, в которых рассказывается о получении Ярославом известия об убийстве Святополком Бориса и Глеба, о сражении Ярослава со Святополком, о бегстве и смерти Святополка. С одной стороны, включение данных текстов в состав богослужебного памятника традиционно и вполне органично, поскольку функционально они не противопоставлены ветхозаветным паримийным чтениям. Рассказ о Борисе и Глебе читался во время богослужения вместо рассказа о Каине и Авеле, он воспринимался как конкретная реализация библейского повествования¹⁴. С другой стороны, безусловно, паримии Борисоглебского цикла в большей степени ориентированы на древнерусский языковой узор.

Так, что касается фонетических особенностей чтений, то в них в отличие от остального текста чаще фиксируются формы с полногласием, характерные для народно-разговорного языка: *сю сторону смолен|ска* (137г), *нов|городци* и *новгородци* (137г, 138а), *колодимера* (138в), *ѡполоник|ска* (139б), *к|шиг|гореде* (139г, с опiskой), *с|а города, городом|а* (141а). Наблюдается также начальное *оу*: *кн|з|а оу|н|а* (138в). Встречается переход [e] в [o] после парного смягченного: *с|тополк|а с| п|е|ч|ен|ог|и* (139а). Существенным является также отражение редуцированных гласных в паримиях Борисоглебского цикла. Так, большинство букв глухих в небиблейских паримиях используется в слабой позиции, в некорневых морфемах, в конце строки на переносе: *к|а|с|а|плещ|ет|а* (60в), *к|а|зи|щ|ет|а* (60в), *Ѡкан|н|и* (137в, 139а), *смолен|ска* (137г). В остальных случаях отражена вокализация сильных глухих и элизия слабых: *к|е|з|у|мен|а* (60в), *гр|ѣ|х|о|лю|бе|ц|а* (60в), *несм|а|сл|ен|у* (61а) и другие, *к| п|у|т|а* (60в), *к|па|да|ет|а* (60г), *скр|у|шен|а|а* (60г), *к| с|ѣ|т|а* (60г) и т.д.

Из инноваций в морфологии примечательны многочисленные деепричастные образования, выражающие обстоятельственные значения:

– *по|ру|ч|а|а из|ру|ч|а|ет|а скою крат|аю* (136г); *из|ру|ч|а|а из|др|у|ч|а|ет|а ско|и друг|а* (60в, В=И), *с|ѣ|дит|а и|з|к|н|ка|а* (137г), *помоли|к|с|а ре|ч|е* (138г), *при|н|а кан|н|а оу|ки|к|а* (140в), *с|то|по|л|к|а к|ѣ|да|а с|е с|т|ко|ри* (140г), в том числе с нарушением согласования с подлежащим в роде: *м|у|ка к|ѣ|у|на|а . посл|ѣ|д|на|а же оу|зр|ѣ| ко дно аду* (137в);

– в форме причастия настоящего времени, образованной от основы на согласный, появляется окончание *-а* вместо исконного *-и*. Форма представляет собой морфологический восточнославянизм: *ре|ка та|ко из|б|аю*

¹⁴ См.: Успенский Б. А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси / Б. А. Успенский. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 22.

БРАТЯЮ СКОЮ . АТА БУДУ ЕДИНЪ КЛАСТЕЦА В РУСИ . НЕ ВѢДАНА ЯКО МЕУА БИИ
ПОЌСТРИСА НА|НА (137б, АТА – лексический восточнославянизм, частица с
модальным значением «да, пусть»);

– форма с древнерусской рефлексацией суффикса: ЗА РУКЪИ КМЛЮУЕ
СѢУА|ХУСА (139а).

Данные тексты также находятся под влиянием словоупотребления
богослужебных текстов, сохранивших кирилло-мефодиевские
грамматические особенности и лексику.

Известно, что данные разных списков памятников письменности
позволяют представить развитие языковых единиц разного уровня. По
подсчетам исследователей, славянский паримейник сохранился более чем в
семидесяти списках XIII–XVIII вв.¹⁵ Данные разных списков паримейников –
в частности, Прм XIV₂ и Паримейника 1271 г. (Захариинского) – позволяют
определить историческую динамику древнерусского языка и его
лингвогеографическую стратификацию. Так, если материал Прм XIV₂
отражает установившееся последовательное правописание с четкой
дифференциацией дублетных буквенных обозначений по позиции в слоге, то
Прм 1271 представляет переходный этап в развитии орфографии. В рукописи
XIII в. постепенно устанавливаются принципы письма, которые будут
господствовать в источниках XIV в.: маркированную позицию начала слова и
после гласных оформляют в Прм 1271 графемы ѡ, ѣ, ѡу, последняя
преобладает также после согласных, монограф у и ѣ иногда употребляются
в рукописи в конце строки. Графемы о, е, ѡ выполняют, как правило,
нейтральную функцию, употребляются после согласных и в конце строки,
однако не всегда последовательно.

Показательно, что оба источника – и Прм XIV₂, и Прм 1271 – содержат,
несмотря на богослужебный характер, ощутимые следы приспособления
текста к условиям локального, территориально приуроченного
использования паримейных текстов. Так, языковые особенности Прм 1271
свидетельствуют о том, что все четыре переписчика были, по-видимому,
северо-западного происхождения. В рукописи наблюдаются смешение ц и ч,
смешение свистящих и шипящих, образования с новым ѣ, написания с жг
наряду с жд < *zg. Рассмотренные особенности рукописного памятника,
являясь исторической проекцией длительного бытования и литургического
использования паримейника, а также приспособления его не только к
общедревнерусской, но и узко локализованной книжной традиции,
позволяют представить ключевые эпизоды развития системы и литературной
нормы древнерусского языка.

В Заключение представлены основные выводы диссертационного
исследования.

¹⁵ См.: Пичхадзе А. А. К истории славянского паримейника (паримейные чтения
книги Исход) // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура
славян. – М., 1991. – С. 147.

Анализ графико-орфографических, фонетических и грамматических особенностей, а также ряда лингвотекстологических черт рукописи РГБ, Тр.4 позволяет сделать вывод о несомненной ценности данного памятника для исторической русистики и палеославистических штудий. Рукопись содержит не только богатый материал по истории древнеславянской письменности, в ней нашел отражение широкий спектр как общедревнерусских, так и диалектных языковых явлений.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Кузовенкова А. И. Отражение редуцированных гласных в Паремейнике по рукописи РГБ, Тр. 4 второй половины XIV века // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуман. науки». – Казань, 2009. – Том 151, кн. 6. – С. 95–101.
2. Кузовенкова А. И. Диалектизмы в древнерусском Паремейнике (по рукописи РГБ, Тр. 4 второй половины XIV в.) // Вестник ВятГГУ. – Киров, 2010. – № 1 (2). – С. 29–31.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

3. Кузовенкова А. И. Буквы, обозначающие <о>, в Паремейнике по рукописи РГБ прм. 2-й пол. XIV в. // Русская и сопоставительная филология 2008: Исследования молодых ученых. – Казань, 2008. – С. 41–44.
4. Кузовенкова А. И. Палеографические особенности Паремейника по рукописи РГБ, Тр. 4 прм. вт. пол. XIV в. // Русская и сопоставительная филология 2008: Исследования молодых ученых. – Казань, 2008. – С. 44–47.
5. Кузовенкова А. И. Фонетические инновации в древнерусском Паремейнике (по рукописи РГБ, Тр. 4 второй половины XIV в.) // Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2009. – №11 (30), ч. 2. – С. 152–154.
6. Кузовенкова А. И. Южнославянские и древнерусские рефлексy в Паремейнике (по рукописи РГБ, Тр. 4 второй половины XIV в.) // Русская и сопоставительная филология 2009: Исследования молодых ученых. – Казань, 2009. – С. 27–31.
7. Кузовенкова А. И. Языковое своеобразие Паремейника по рукописи РГБ, Тр. 4 второй половины XIV в. // Православный собеседник: Альманах Казанской Духовной Семинарии. – Казань, 2010. – Вып. 2 (20). – С. 21–26.
8. Кузовенкова А. И. Грамматические особенности имени в Паремейнике по рукописи РГБ, Тр. 4 второй половины XIV в. // Русская и сопоставительная филология 2011: Исследования молодых ученых. – Казань, 2011. – С. 92–96.